

Ж. Делез и Ф. Гваттари. Желание и история

Томин Леонид Владимирович

Петербургский государственный университет путей сообщения
кандидат политических наук, доцент кафедры "Философия, политология,
социология"

Статья посвящена рассмотрению взгляда на историю Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Особое внимание уделено критике, которой они подвергают фрейдомарксизм и структурализм. Проанализированы сходства их концепции с формационной теорией К. Маркса, кроме того рассмотрены вопросы о происхождении государства и капитализма.

Ключевые слова: Ф. Гваттари, Ж. Делез, история, К. Маркс, З. Фрейд

Целью данной статьи является попытка рассмотреть историю, такой как она, описана в книге «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» Ж. Делеза и Ф. Гваттари увидевший свет в 1972 году. Сама книга интересна по самым разным причинам, например в ней дается детальная критика структурализма «новой трансцендентальной философии» (Делез). Авторы последовательно и методично критикуют структурализм во всех его проявлениях: психоанализе, антропологии, лингвистике и истории.

С точки зрения многих марксистов как западных, так и советских главный грех структурализма – отрицание истории. В структурализме исторический процесс заменен на последовательность структур или эпистем (М. Фуко), которые дисконтинуальны. Перед изложением истории в «Анти-Эдипе» немного рассмотрим критику Делезом и Гваттари психоанализа и антропологии в их структуралистской версии.

Они поставили цель – вернуть психоанализ к материализму после идеалистического поворота, у истоков которого стоял сам З. Фрейд. Кроме того, им было важно проанализировать ошибки и упрощения, имевшиеся во

фрейд-марксизме, течения набравшем популярность в 60-е годы. Один из основоположников фрейд-марксизма Вильгельм Райх (1897-1957) верно поставив многие проблемы в итоге пришел к мистическому витализму и псевдонаучной теории оргонической энергии. Критики Делеза и Гваттари часто не обращают на это должного внимания, рассматривая их теорию как продолжение линии В. Райха.

Идеализмом в психоанализе Делез и Гваттари называют последовательную систему редукций в теории и практике, сводящей работу машинного бессознательного к логике представления. Дизъюнктивный синтез бессознательного, инвестирующий социальное поле, с помощью внешней интерпретации помещается в логику мифа об Эдипе или Гамлете. Именно по этой причине структурализм настолько близок к играм и театру, Леви-Стросс в попытке приблизить антропологию к точным наукам, большое внимание уделяет игральным картам и теории игр. Альтюссер много внимания уделяет театру Б. Брехта, который отдает предпочтение не сути событий, а их расположению в пространстве.

«Мы не хотим утверждать, что Эдип – изобретение психоанализа. Он только отвечает на запросы реальности, люди уже приходят со своим Эдипом. Психоанализ только и делает, что возводит Эдипа в квадрат, создает проекцию Эдипа, переносит Эдипа на Эдипа, и все это происходит на диване, словно на маленьком островке грязной земли. Но семейный Эдип, Эдип аналитиков, является, в сущности, аппаратом репрессии над машиной желания и ни в коей мере – формой самого бессознательного» [2].

Критика идущей от Платона философии представления была одним из основных лейтмотивов размышлений Делеза в 60-е годы. В работе «Различие и повтор» он утверждает, что представление это принцип, определяющий почти всю историю философии от Платона до Гегеля. В нем все подчинено принципу тождества, скрывающему глубинную игру различия. Платон, развивая теорию идеи, хочет выстроить систему

соответствия, где копии оцениваются в сравнении с идеальным образцом, не имеющие образца симулякры осуждаются. Платона в симулякре пугает «...состояние свободных океанических различий, кочевых дистрибуций, увенчавшейся успехом анархии – вся эта вредоносность, оспаривающая понятия образца и копии» [3].

Философия репрезентации выстроена по модели, где все существующее должно быть представлено, это разрыв, отделяющий первичный опыт от повторного обнаружения и регистрации. Так воспроизводится господство принципа тождества. Согласно Делезу мы переживаем крушение системы представления, иллюзия тождества рассеивается, освобождается долгое время скрываемая от глаз игра различия. «Различие должно выйти из своей пещеры, перестать быть чудовищем, по крайней мере, не должно больше существовать как чудовище, как то, что избегает удачного момента, представляя собой лишь неприятную встречу, неудачный случай»[3].

Идеализм психоанализа построен в соответствии с логикой представления, с ее двойным разделением на этот раз между производством и приобретением. Помещая желание на сторону приобретения, мы встраиваем его в логику нехватки, желание производит свой фантазматический объект, существующий только в психической реальности. Естественно этот объект имеет свое подобие в реальном мире, таким образом, создаются два отдельных пространства с одной стороны внутреннее психическое с другой внешней реальности. Согласно Делезу и Гваттари желание существует не в отдельной психической реальности, оно наоборот производит реальное, соединяет различные машины и непосредственно инвестирует социальное поле.

Оперируя в логике представления психоанализ, не признает этой открытости бессознательного новым коннекциям, он настаивает на том, что «...настоящим выражением желания был бы Эдип (чтобы структурировать «целое»)). Как только желание устраивает что-то, во

взаимосвязи с Внешним, со Становлением, устройство разбивают, показывают, что оно отсылает, с одной стороны, к частичному механизму ребенка, с другой – ко всей структуре Эдипа»[4].

Психоанализ ограничивает продуктивную работу машинного бессознательного, запирая дизъюнктивный синтез желания в Эдипов треугольник. В этом он похож на психиатрию прошлого, которая была описана М. Фуко в книге «История безумия в классическую эпоху». Если психиатрия действовала посредством заточения и изоляции, психоанализ, существуя в более свободном обществе, работает как система перекодирования желания.

Делез и Гваттари предлагают создать шизоанализ, теоретический подход, выстроенный на совершенно новых принципах. Шизоанализ отказывается от бессмысленных интерпретаций, поскольку потоки бессознательного ничего не означают. Бессознательное как завод непрерывно производит потоки, которые конструируют новые машины желания и напрямую инвестируют общественные машины. Еще одной мишенью для авторов «Анти-Эдипа» стала структурная антропология, кратко изложив их аргументы, мы остановимся на той схеме движения истории, которая выстроена в книге.

Всемирная история у них рассматривается как движение, главным в котором является кодирование и раскодирование потоков желания. Каждая из трех систем сменявших друг друга в истории (первобытная территориальная машина, варварская деспотическая машина и цивилизованная капиталистическая машина) строится на управлении различными потоками (желания, долга, денег, рабочей силы). При этом Делез и Гваттари рассматривают всемирную историю ретроспективно, с точки зрения капитализма, ведь он представляет собой в наиболее явной форме систему, оперирующую раскодированными потоками.

«Я полагаю что мы, Феликс Гваттари и я, всегда оставались марксистами, возможно, по-разному, но оба. Дело в том, что мы не верим в

возможность политической философии, которая не была бы сосредоточена на анализе капитализма и его развития. То, что нас интересует больше всего у Маркса, – это анализ капитализма как имманентной системы, которая постоянно переходит свои границы и которая всегда обнаруживает эти границы расширившимися, потому что граница – это и есть сам капитал»[2] – заметил Делез.

В условиях первобытной машины особую важность имеет земля, социус записывает на ней коннективные и дизъюнктивные отношения своих сегментов. Первобытная машина существует до появления государства, она функционирует, управляя двумя элементами, происхождением и союзом. Дело не в том, что первобытные люди не понимают значения государства, наоборот они всеми силами препятствуют его образованию, удерживая баланс между различными сегментами власти. Эта идея была позаимствована Ж. Делезом и Ф. Гваттари у антрополога Пьера Клястра.

Делез и Гваттари сравнивают происхождение и союзы с постоянным и обратным капиталами. Для функционирования первобытной территориальной машины особое значение играет долг, который выступает как единица союза, они вместе открывают линии происхождения. Долг выступает как главный элемент записи, которая осуществляется посредством специальных мет на теле или инициации.

Происхождение, связанное с линиями родства на этой стадии должно стыковаться с союзами, выполняющими экономическую функцию. Именно необходимость связи с экономикой открывает систему родства, поэтому она не действует согласно структурной логике как система матримониальных классов.

Это открытие системы родства лишает первобытную машину устойчивости, она должна при помощи союзов кодировать потоки желания. Отсюда вытекает необходимость контроля над потоками обмена и производства, осуществляемого например, посредством церемонии

потлача. «Неравновесие, не будучи ни в коем случае патологическим следствием, является принципиальным и функциональным. Ни в коем случае, не будучи расширением некой исходно закрытой системы, открытие идет первым шагом, основывается на гетерогенности элементов, которые составляют возмещение и компенсируют неравновесие, смещая его. Короче говоря, отделения означающей цепочки в согласии с союзными отношениями порождают прибавочные стоимости кода на уровне потоков, из которых проистекают различия линий распределения (например, высоки или низкий ранг дарителей и получателей женщин)»[5].

Первобытная машина укрепляет линию происхождения, этому служит запрет на инцест и другие ограничения зародышевого потока. Проблема здесь не в Эдипе, которого при всем желании обнаружить в индейских или африканских племенах невозможно. В первобытных семьях нет фамиализма, отец, мать функционируют в качестве представителя какой либо внешней общественной активности. То, что структуралисты в таких обществах именуют Эдипом, является пределом, с которым сталкивается первобытный социус в страхе перед раскодированными потоками. Боханнан описывает экономику африканского народа тив, который кодирует «...три типа потоков – предметы потребления, предметы престижа и женщин. Когда появляются деньги, они могут быть закодированы только как предметы престижа, однако торговцы используют их для того, чтобы завладеть секторами предметов потребления, традиционно принадлежавшими женщинам, – все коды начинают дрожать»[5].

Первобытная территориальная машина в итоге рушится, на ее месте выстраивается варварская деспотическая машина. Ее основные элементы это новый союз и прямое происхождение. Образовавшееся государство становится собственником земель небольших первобытных племен, выстраивается пирамидальная система новой легитимности с деспотом на

вершине. Такая модель дополнительно укрепляется монотеизмом, напрямую от бога дарующему легитимность деспоту.

Здесь необходимо коротко остановиться на теории возникновения государства изложенной в «Анти-Эдипе». Делез и Гваттари полагают – государство возникло не в результате долгого процесса формирования, а сразу. Этим можно объяснить трудности, наиболее явно проявившие себя в исследованиях марксистов, они не могли определить к какой категории отнести государство. Авторы «Анти-Эдипа» выдвигают гипотезу, согласно которой вначале всего существовал Urstaat (Прагосударство), и через эту призму нужно рассматривать все последующие трансформации от античности к феодализму и далее. Urstaat в идеале стремится замкнуть на себя все потоки, невозможность осуществить это подталкивает его к серии трансформаций, в рамках которых выстраиваются новые модели удержания под контролем раскодированных потоков.

Варварской деспотической машины придает особое значение письменности, теперь социус ведет запись на пергаменте или монетах. Роль, которую играет изобретение письменности, подробно проанализировано в работе Л. Мамфорда «Миф машины».

Вернемся к анализу варварской деспотической машины. Государство, поглотившее все элементы: землю, линии происхождения, производство и обмен включает все перечисленное в свою систему кодирования. Один из главных элементов такого кодирования торговля и роль денег, отсюда возникает государственная монополия. Варварская деспотическая машина, испытывая страх раскодирования потоков, сознательно тормозит развитие торговли. «Этьен Балаз спрашивает: «Почему капитализм не родился в Китае в XIII веке, когда для него, как кажется, имелись все научные и технические условия?» – ответ заключается в государстве, которое закрывало копи, как только запасы металла оценивались как достаточные, которые также сохраняло

монополию на торговлю и жесткий контроль над ней (торговец как функционер)»[5].

Этот вопрос очень интересовал К. Маркса и его последователей, на нем была сконцентрирована дискуссия об азиатском способе производства. Делез и Гваттари особое внимание обратили на теорию гидравлического государства Карла Августа Виттфогеля (1886–1988), который полагал, что своим происхождением восточный деспотизм обязан системе социальных структур и технологий, применявшихся для ведения ирригационного земледелия. Виттфогель больше концентрировался на технологиях, Делез и Гваттари на первый план выдвигают политические особенности варварской деспотической машины.

Соглашаясь с выводами историка Фернана Броделя (1902-1985), Делез и Гваттари отмечают «...почему Европа, почему не Китай? Рассуждая о дальнем плавании, Бродель спрашивает: почему не китайские или японские корабли или хотя бы мусульманские? Почему не Синбад-мореход? Дело не в том, что есть дефицит техники, недостаток именно технической машины. Быть может, скорее само желание остается в тенетах деспотического государства, будучи полностью инвестированным в машину деспота?»[5]. Именно в этом причина того, что в Европе, были впервые осуществлены трансформации открывшие дорогу капитализму. Абсолютизм в Европе возник в прямой связи с подъемом торговли, он был необходим знати для укрепления собственной власти, в противовес нарождающейся буржуазии. Английский историк Перри Андерсон, анализируя становление абсолютизма, отмечает, что в XV-XVI вв. возрождение римского права с концепцией законной собственности способствовало быстрому увеличению товарообмена и росту влияния торговой и мануфактурной буржуазии. Аристократия ответила на этот вызов усилением и централизацией государственного аппарата [1].

Абсолютистские государства, несмотря на это удержать новые раскодированные потоки (деньги, рабочая сила, средства производства) не

смогли. Богатство с помощью денежной абстракции превратилось в капитал, крестьяне, освободившиеся от феодальной зависимости стали потоком рабочей силы. Бродель подробно проанализировав европейскую экономику XIV и XV веков, продемонстрировал, как некоторое время сосуществовали феодальные институты с элементами нарождающегося капитализма (крупные банки, оптовые торговцы). К. Маркс подробно описал процесс соединения с одной стороны капитала, а с другой свободного работника, их встреча и создала капитализм. Так возникает цивилизованная капиталистическая машина.

Теперь не государство, а капитал становится главным оператором кодировки различных потоков. Капитализм система, функционирующая на максимально раскодированных потоках, сегодняшняя роль финансового сектора, связанный с ним рост спекуляций наиболее яркий тому пример. Не случайно Маркс писал о невероятной революционизирующей роли капитала, замечая, что настоящим пределом капиталистического производства является сам капитал [6]. Но и капитализм не способен выдержать полное раскодирование потоков, поэтому он создает новые искусственные инструменты контроля.

Ф. Гваттари по этому поводу заметил «...рост капиталистических отношений, соединял в себе две фундаментальных составляющих. Одна из них это разрушение социальных территорий, коллективных идентичностей, традиционных систем ценностей. Я называю этот процесс детерриторизацией. Другая составляющая – воссоздание, даже с помощью наиболее искусственных средств - индивидуально-личностных структур, схем власти и моделей подчинения, если и не сходных по форме с теми, что были разрушены, то, как минимум похожих с функциональной точки зрения. Эту последнюю составляющую я называю – ретерриторизацией» [7].

При всей революционизирующей роли капитала, который детерриторизирует: деньги, рабочую силу, технологии, науку, капитализм

как система создает новые и перекодирует старые территориальности (национальное государство, религия, мораль). Фашизм был самой страшной ретерриторизацией, когда в условиях кризиса капиталистической системы была воскрешена вся система варварства, которая как многие полагали, осталась в далеком прошлом. В этом состоит одно из объективных противоречий процесса глобализации, в рамках которой национальное государство со своим неизменным атрибутом границей, несмотря на все прогнозы, продолжает играть важную роль. В сфере морали и психического здоровья, такую роль со временем стал выполнять психоанализ, запирая потоки желания в Эдипов треугольник.

В глобальном масштабе капитализм машина производства направляет детерриторизацию из центра на периферию, перемалывая зависимые страны, включая в свои цепочки необходимые элементы (природные ресурсы). На периферии в колониях и зависимых от капитала странах часть потоков постоянно ускользает от кодирования, поэтому неслучайно, что социалистические революции в XX веке произошли в Российской империи, Китае, Вьетнаме и на Кубе. Капиталистическая машина, добавляя новую аксиоматику внутри центра, смогла на глобальном уровне справиться с этими вызовами. Социалистические страны изолированные и погруженные в логику капитала постепенно сдвигались в сторону госкапитализма.

Подводя итог своему изложению всемирной истории, Делез и Гваттари пишут о двух полюсах, между которыми колеблются современные общества, они «...рожденные из раскодирования и детерриторизации, стоящие на развалинах деспотической машины, заключены между Urstaat, которое они, конечно, хотели бы восстановить в качестве перекодирующего и ретерриторизирующего единства, и развязанными потокам, которые увлекают их по направлению к абсолютному порогу. Они снова и снова вводят новые коды, при помощи мировой диктатуры, локальных диктаторов или всемогущей полиции, и в

то же время раскодируют или дают раскодироваться текущим количествам своих капиталов и своих населений»[5].

Библиографический список

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.
2. Делёз Ж. Переговоры. 1972-1990 / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004.
3. Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998.
4. Делёз Ж. Четыре тезиса о психоанализе // Логос. 2010. No 3 (76).
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
6. Маркс К., Энгельс Ф., Собр соч. в 9 тт., т. 9, ч. 1. М., 1988.
7. Guattari, Felix. Soft Subversions. Ed. Sylvère Lotringer. Trans. David L. Sweet and Chet Wiener. Semiotext(e) Foreign Agents Ser. New York: Semiotext(e).